

П. И. Гайденко

К ВОПРОСУ О КАНОНИЧЕСКО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ЖЕН ДРЕВНЕРУССКОГО ДУХОВЕНСТВА (XI–XIII вв.)

Одной из наименее изученных социальных категорий древности остаются жены пастырей, история которых почти не привлекает внимание исследователей. Сложившееся положение дел объясняется состоянием источников. О жизни и каноническо-правовом статусе жен священнослужителей XI–XIII вв. позволяют судить лишь отдельные летописные известия, а также немногочисленные канонические и правовые нормы, зафиксированные в церковных Уставах и канонических сводах. В статье предпринята попытка реконструкции каноническо-правового статуса жен древнерусского духовенства домонгольского времени. Его реконструкция затруднена ввиду как малочисленности источников, так и их содержания. В результате жены духовенства нередко предстают в нелицеприятном и даже отрицательном виде. На этом фоне видится исключением история жены священника Василия, активного участника событий, связанных с ослеплением Теребовльского князя Василька. Однако даже такое положение дел говорит не столько о самих женах древнерусского духовенства, сколько о том интересе, который проявлялся к ним со стороны современников.

Тем не менее знакомство с источниками позволяет заключить, что, с точки зрения присутствовавших на Руси канонических норм, женам древнерусских священников отводилась важная роль в семье. Моральный авторитет супруги во многом определял статус священника, а жизнь попадьи была тесно связана с жизнью христианской общины, в которой совершалось служение пастыря.

Ключевые слова: История Русской Православной Церкви, история Киевской Руси, история Древней Руси, история повседневности, история повседневности в Древней Руси, каноническое право, церковное право, церковное право Древней Руси, церковные люди, попадьи в Древней Руси.

Жены древнерусского духовенства как особый институт или социальная группа древнерусской церковной организации и древнерусского общества крайне редко привлекали внимание исследователей и не заслужили в отечественной историографии специального самостоятельного исследования. Вполне очевидно, что, в отличие от женского монашества, почтительный интерес к которому постоянно поддерживается в научной среде, супругам пресвитеров и диаконов менее всего повезло с историками. Попадьям и поповнам не посвящено не только ни одной монографии, но и ни одной большой научной статьи, что само по себе красноречивее всего говорит о ситуации. Если же женам духовенства и причетников уделялось внимание исследователями, то чаще всего ученых интересовали те стороны жизни, обсуждение которых способно вызывать брезгливость. Обсуждение жизни жен пастырей происходило главным образом в контексте весьма специфических интересов «Вопрощания Кирика Новгородца» или истории князя Владимира Ярославича Галицкого. Впрочем, в таком продолжительном историографическом молчании не стоит усматривать причины «гендерного неравенства». Ситуация банальней и от того драматичней, поскольку отмеченное положение дел в большей мере объясняется состоянием источников.

Павел Иванович Гайденко — доктор исторических наук, г. Казань (prof.gaydenko@rambler.ru).

Применительно к XI–XIII вв. о женах священнослужителей — «попадьях» и «диаконных» — сообщают только две группы источников. Первая группа представлена древнерусским летописанием, сохранившим в истории об ослеплении многострадального князя Василья Теребовльского образ жены священника Василя¹, а также небольшое, но крайне ценное известие о конфликте, разразившемся в Галиче. Здесь спор горожан с князем произошел из-за попадьи, задолго до того отобранной князем у местного священника (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 659). Вторая группа источников — акты: древнерусские княжеские Уставы Церкви², канонические рекомендации и ответы митрополитов Георгия (Ответы митр. Георгия) и Иоанна (Ответы митр. Иоанна) и, наконец, «Вопрошание Кирика Новгородца» (Вопросы Кирика). Примечательно, что, определив место попадьи среди церковных людей — оговорив степень ее ответственности за блуд³ (включая супружескую измену), предписав порядок наказания за пьянство, — церковные уставы никак не регламентировали отношения внутри семей пастырей, а самое главное, никак не определили каноническо-правовое положение «матушек», что само по себе представляет особый научный интерес.

* * *

Итак, первая группа источников, доносящих скудные известия о женах пастырей, — летописи.

Как уже отмечено, летописание сохранило сообщение о супруге попа Василя. Данное обстоятельство крайне интересно. Поместив известие о попадье в текст летописи, автор повести проявил к женщине максимальное почтение. Даже при том, что источник не называл ее имени, факт такого внимания к этому образу супруги пастыря более чем выдающийся. В итоге даже такие скудные, лаконичные сведения бесценны и способны хоть немного пролить свет на жизнь жен священнослужителей.

Вероятнее всего, известие о попадье, как и вся повесть о Васильке Теребовльском, составлены самим одноименным князю священником Василием, свидетелем и деятельным участником тех горестных событий, разыгравшихся в конце XI в. в Киеве (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 230–236)⁴. А значит, и запечатленный в рассказе образ попадьи — это образ его супруги. Рассказ представляет жену пресвитера в качестве деятельной участницы развернувшейся драмы. В донесенной священником Василием истории попадьи уподобляется женам мирноносцам — она стирает окровавленную рубашку князя, заботится о Васильке и искренне горюет о судьбе страдальца (Мф 26:6–13; 27:57–61). Очевидно, что появление этого женского портрета на страницах летописи не случайно. Судя по всему, поп Василий пожелал сохранить его для потомков из любви к своей супруге. И если это так, то история Василя Теребовльского оставила не только

¹ Упоминание о попадье появляется в той части рассказа, который повествует о состоянии ослепленного князя Василька: «и томъ часе быс(ть) яко м(е)ртвь . и возьмше и на ковре . оузложиша и на кола яко м(е)ртва . и повезоша и Володимерю . и пришедъше стаща с нимъ перешедъше мость Въздвиженскы . на торговици . и сволькъша с него сорочку . кроваву . и вдаша попадьи испрати . попадьа же оправъши оузволоче на нь . онемъ обедающимъ и плакатися нача попадьа . оному яко мертву сущю . оузбуди и плачь . и рече кде се ес(ть)мь . они же рекоша ему . въ Звездени граде» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 235).

² В Уставах жены духовенства упоминаются дважды: при определении круга церковных людей и в статье, посвященной пороку пьянства (Устав Владимира, 1976, 16–19; Устав Ярослава, 1976, 85–91).

³ Несомненно, под блудом понимается прежде всего сексуальный проступок. Однако, в отличие от ранних древнерусских источников, церковные каноническо-правовые тексты более позднего происхождения понимают под блудом более широкий пласт прегрешений. В ряде случаев под блудом понимается даже чрезмерное употребление спиртного, приводящее к изbleванию Святых Даров или съеденного. Впрочем, митрополит Иоанн считал, что за систематическое пьянство священник должен был извергаться из сана (Ответы митр. Иоанна. Стб. 20. 34).

⁴ См. также: [Алешковский, 1971, 32–52].

назидательную повесть о несчастном князе, но и еще одну историю, историю трогательной любви священника к своей жене.

Не менее интересно второе летописное известие. Оно связано с конфликтом, разразившимся в Галиче вокруг князя Владимира Ярославича, его супруги, бывшей попадьи (1188), и их детей⁵. В отличие от предыдущей повести, в этой истории образ женщины обладает негативными чертами. В супруге Владимира Ярославича горожане не только не признали законную княгиню, но и продолжали именовать ее «попадьей», отвергая права детей от данного брака на княжеский стол. Едва ли описанное можно свести к одному лишь прозвищу. Вероятно, здесь приходится иметь дело с тем, что в понимании горожан женщина даже после вступления в брак с князем продолжала оставаться «церковным человеком», в том числе с точки зрения права. В итоге положение детей от такого брака оказывалось крайне неустойчивым. Древнерусская практика наследования власти в этот период еще не отрицала прав «бастардов»⁶, однако в данном случае признания прав наследования княжеского достоинства детьми от брака бывшей попадьи с Владимиром Ярославичем не произошло [Майоров, 2001, 265–296; Котляр, 2017, 112, 137–138, 156, 233–234].

Заслуживает внимания еще одно обстоятельство. Совершив измену, жена священника не могла быть принята своим первым супругом-пастырем обратно (Вопросы Кирика. 81, 82). Возвращение ее предполагалось лишь в одном случае — в случае ее пленения (Ответы митр. Иоанна. 26). В подобной ситуации иерей действительно сталкивался с необходимостью признать свою жену и восстановить разрушенную семью. Но в истории княгини-попадьи нет и намек на насильственное удержание князем чужой супруги. Напротив, их связь искренняя, продолжительная и многолетняя, а попадья даже не думает о возвращении в дом законного супруга. Во всяком случае, об этом нет никаких известий.

Вторая группа источников, позволяющих взглянуть на жизнь древнерусских «матушек» — каноническо-правовые памятники. Данная группа текстов — одна из самых интересных для исследователей. Реконструкция прошлого на основе судебных уставов, каноническо-правовых и пенитенциарных сборников позволяет увидеть то, что обычно крайне редко попадало на страницы иных источников. Прежде всего это касается частных сторон жизни. Именно их обычно стыдятся и ограждают завесой молчания. Опасность использования почерпнутых здесь сведений заключается в том, что зафиксированные в Уставах и в «Вопрошании» нормы связаны, главным образом,

⁵ «Князюцу Володимеру в Галичкю земли и бе бо любезнивъ питию многому . и доумы не любяшетъ с моужми своими . и поя оу попа женоу и постави собе женоу . и родися оу нея два (сы)на Романъ же Володимерьскый Мьстиславячъ сватася с нимъ . и да дщерь свою за (сы)на его за старейшаго . и се оуведавъ Романъ . ажъ моужи Галичкыйи не добро живоуть (с моужемъ с) с княземъ своимъ . про его насилье . зане где оулюбивъ женоу или чью дщерь . поимашеть насильемъ . Романъ же слашетъ без опасы . к моужемъ Галичкимъ . подтыкая ихъ на кн(я)зя своего . да быша его выгнале изъ отчины своя . а самага быша прияли . на кнжение . моужи же Галичкыйи приимше с(о)ветъ Романовъ . совокоупивше полкы своя . и оутвердившеся кр(е)стомъ . и воста на князь свои . и не смеша его изымати ни оубити . зане не вся бяхоуть в доуме тои . бояхоу бос я приятелевъ Володимеревых и сице сдоумавше послаша ко князю своему . княже мы не на тя востале есмы . но не хочемъ кланятися попадьи . а хочемъ ю оубити . а ты где хочешъ тоу за тя поимемъ . и се рекоша ведаючи ажъ жоу не поустити попадьи . но абы имъ како прогнати ег(о) и симъ емоу пригрозиша . онъ же оубявь(ся) поймавъ злато и сребро много . с дружиною . и женоу свою поима . и два (сы)на . и еха во Оугры . во ко королеви. Галичане же . Романовноу Фе(о)дероу отняша оу Володимера . и послаша по Романа» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 659–660).

⁶ Ранняя история Руси знает двух «бастардов» на Киевском столе. Первый из них — Владимир Святославич, рожденный от наложницы Малуши. Второй — Святополк Ярополчич-Владимирович, сын пленной болгарской монахини (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 57, 66). Однако аналогичные примеры встречаются и в историях иных княжеских столов (некоторые аспекты этой проблемы см. подробнее: [Рындин, 2016а; Рындин, 2016б]).

с проявлением наиболее «темных» или, по меньшей мере, не афишируемых сторон жизни общества и человека. В результате историк неминуемо сталкивается с опасностью описать мир прошлого исключительно через образы ужасающего порока, жестокости и непрекращающихся преступлений. Но наверняка жизнь была сложнее, интересней и не сводилась лишь к криминальным деяниям. К тому же для современников событий далеко не всегда т. н. «преступное» поведение — девиация. С точки зрения языческой морали отклонением от нормы были не народные обычаи с их сексуальными подтекстами и архаическими смыслами, а христианские ценности и христианская мораль. Таким образом, однозначная оценка системы моральных ценностей и норм Древней Руси невозможна даже тогда, когда это касается духовенства и членов их семей. Жены священнослужителей, как и сами пастыри, нередко воспитывались в условиях, далеких от норм христианской морали, а сам ритм жизни христианских общин еще не был в полной мере обусловлен циклом христианского богослужения⁷.

Все сказанное применимо в отношении жен диаконов и пастырей. Ни один из древнерусских источников ничего не сообщает о социальном происхождении будущих «матушек». Ничего не известно об их обязанностях при храме и месте в жизни общин. Тем не менее, дело небезнадежно. Прозвучавшие в «Вопрошании» вопросы, немногословные нормы Уставов и скупые, но яркие агиографические образы женатого духовенства позволяют увидеть в прошлом довольно красочные и даже колоритные картинки семейной жизни пастырей, а также воссоздать некоторые черты портретов жен священника Василия и князя Владимира Ярославича. Все перечисленное позволяет сформировать некоторое представление о женах пастырей и о тех отношениях, которые присутствовали в семьях священников.

Так или иначе, но жизнь священника и его каноническая правоспособность во многом зависели от его супруги. Вступление в брак открывало ставленнику путь к занятию иподиаконской, диаконской или священнической вакансий. При том что Византия и греческие церковные нормы не отвергали celibат пастырей, при выборе кандидатов для рукоположения предпочтение отдавалось женатым и монашествующим. Одно из правил митр. Иоанна вполне определенно предписывало, чтобы кандидат в иподиаконы был непременно женат: «Или в подьяконехъ на прочею потщися никакоже поставити, дондеже оженитъся; по поставлении же понимающе жены, погубляютъ чинъ свои. А иже [преже] створеная, аще хочещь, [по искушенью] расмотри» (Ответы митр. Иоанна. Стб. 5. 10). В условиях Средневековья, когда сексуальные отношения наравне со вкусной едой являлись едва ли ни главными радостями человеческой жизни [Долгов, 2007, 9–28], обладание супругой рассматривалось в качестве средства усмирения половой страсти пастыря. Именно поэтому еп. Нифонт не рекомендовал духовникам накладывать строгие ограничения и литургический пост на семейные отношения молодых пресвитеров и их жен (Вопросы Кирика. Стб. 45. 77) (Вопросы Кирика. Стб. 45. 77; Вопрошание Кирика [Перевод], 421–422). Что же касается монашествующих, то их телесная и душевная чистота оберегались строгими обетами и уставами. В итоге к супругам предъявлялись определенные требования. Тем не менее и пастыри, и их супруги, и иноки впадали в телесные грехи, наиболее тяжким из которых рассматривался блуд. Ему посвящено существенное число статей не только в перечнях церковных правил, но и в нормах княжеского происхождения

⁷ Упреки в адрес духовенства показательны: «Причем, так поступают (участвуют в языческих обрядах. — П. Г.) не только невежи, но и люди обученные, попы, книжники ...»; «После святого Крещения попы, порабощенные чревом, договорились читать тропарь Рождества Богородицы во время рожаничной трапезы, отсрочки дела» (Слово христороубца, 238–242; «Слово святого Григория» об идолах, 244). Очевидно, что и 33-й вопрос Кирика также связан с деятельностью священников и с двоеверными практиками, не встречавшимися, судя по данному епископом Нифонтом ответу, порицания со стороны духовенства: «Где Роду и Рожаницам крошат хлебы, сыры и мед — возбраняй весьма, ибо негде написано: горе пьющим в честь Рожаниц!» (Вопросы Кирика. Стб. 31); о двоеверных практиках и особенностях быта новгородцев см.: [Мильков, Симонов, 2011, 184–297].

(Устав Ярослава, 1976, 89. Ст. 44, 45, 46). В результате судьба священника во многом зависела от его супруги.

Пожалуй, наиболее информативным источником о внутрисемейной жизни жен клириков остается «Вопрошание Кирика и иных новгородских пастырей». Сведения из этого канонического свода, ставшего своего рода энциклопедией повседневной жизни раннесредневекового Новгорода, крайне специфичны, поскольку представляют собой отражение пенитенциарных практик. При том что некоторые из открывающихся сторон жизни пастырей и их жен неприглядны, научная значимость известий несомненна.

Нормы «Вопрошания», которые так или иначе связаны с женами священнослужителей и причетников, в большинстве своем сосредоточены на вопросах, с позиции нашего времени, крайне интимного свойства: сохранение телесной и ритуальной чистоты, обеспечение супружеской верности, соблюдение сексуального воздержания (Устав Ярослава, 1976, 89. Ст. 44, 45, 46; Гайденок, 2012, 139–153). Жены духовенства упоминаются в целом ряде вопросов. Первым эти вопросы (77, 78, 80, 81, 82) задает Кирик:

77. «Если поп служит в воскресенье, и опять будет служить во вторник — можно ли ему совокупиться с женой? Рассмотрев, владыка сказал, что если он молод и трудно дается воздержание, то не воспрещать. Если же удержится — это лучше. Но не следует запрещать силой, это больший грех» (Вопросы Кирика. Стб. 45; Вопрошание Кирика [Перевод], 421–422).

78. «А еще скажем о том, что написано в заповеди Иоанна Постника об осквернении. Тот сказал, что если после причастия целоваться с женщиной, и любить не свою жену, или влагать язык в уста, или неистовствовать, или повергнув лечь на нее, и изыдет семя, или родильным удом прикоснуться, но не в то самое место ввергнуть, а семя изыдет, то если такое приключится с каким-либо попом, или диакон — то отлучить его от службы на некоторое время, и пусть снова примет свой сан. Также и если сделает такое прежде своего поставления, то сначала дать епитимью, а потом поставить» (Вопросы Кирика. Стб. 45; Вопрошание Кирика [Перевод], 422).

80. «А если девицу растлит, а женится на другой, можно ли поставить? Этого, сказал он, даже не спрашивай у меня, чистому надлежит быть и ему, и ей» (Вопросы Кирика. Стб. 46; Вопрошание Кирика [Перевод], 422).

81. «А если дьячок возьмет жену и уразумеет, что она не девица? Сказал — отпустив, оставаться в том же сане» (Вопросы Кирика. Стб. 46; Вопрошание Кирика [Перевод], 422).

82. «А если от попа или от диакона попадя сотворит прелюбодеяние, отпустив, удержать свой сан» (Вопросы Кирика. Стб. 46; Вопрошание Кирика [Перевод], 422).

Во всех перечисленных ситуациях жены пастырей видятся активными участницами и едва ли не инициаторами произошедшего. Однако на этом дело не ограничивается. Супруги клириков фигурируют и в иных случаях. С ними связаны 19-й, 20-й, 27-й, 28-й, 29-й вопросы Кирика и 21-й вопрос Саввы, озабоченных соблюдением ритуальной чистоты священнослужителями накануне литургии, а также с вопросами, касающимися исповеди и причастия священнических жен.

19. «Следует ли попу творить молитву над своей женой, в селах или здесь. Во всей Греческой земле и области попы не дают своим женам молитвы, если только иного попа не будет поблизости — тогда сотворит» (Вопросы Кирика. Стб. 29; Вопрошание Кирика [Перевод], 416).

20. «Я спрашивал митрополита: можно ли причащаться попаде у своего [попа], есть ли в том грех? А экономом промолчал» (Вопросы Кирика. Стб. 29; Вопрошание Кирика [Перевод], 416).

27. «Поп, бывший со своей женой, пусть вне алтаря читает Евангелие, и ест антидор» (Вопросы Кирика. Стб. 30; Вопрошание Кирика [Перевод], 416).

28. «Попу бельцу, бывшему со своей женой за день до службы, можно служить, ополоснувшись до пояса, а не кланявшись и не мывшись» (Вопросы Кирика. Стб. 30–31; Вопрошание Кирика [Перевод], 416).

29. «Если поп захочет служить в воскресенье и во вторник, может совокупиться между днями, по рану в понедельник быв со своей женой, и в тот день пусть не входит в алтарь» (Вопросы Кирика. Стб. 31; Вопрошание Кирика [Перевод], 416).

21 (Савва). «Можно — сказал — всякого принимать на покаяние, только свою жену не следует» (Вопросы Кирика. Стб. 57; Вопрошание Кирика [Перевод], 427).

Знакомство с перечисленными нормами приводит к выводу, что интерес клириков к женам сводился едва ли не к одному лишь удовлетворению сексуального влечения. Интимная близость священника с супругой обладала двойственностью. Она благословлялась и одновременно осуждалась, рассматриваясь в качестве существенно-го препятствия к полноценному участию пастыря в богослужении. Все это в полной мере соответствовало умонастроениям Средневековья, для которого женщина оставалась сосудом греха и источником душевной и телесной нечистоты⁸. Очевидно, что пастыри видели в своих супругах не только плод обожания и влечения, но источник искушения, осквернения и гибели.

Не менее примечательны правила митр. Георгия (69 и 102), в которых в некоторой степени оговариваются интимные стороны жизни священника и его супруги, а также одно из существенных требований к жене будущего священнослужителя — ее невинность накануне брака. (Примечательно, что именно этот же критерий в отношении допустимости брачного союза для пастыря рассматривался в качестве основного и в 81-м вопросе Кирика.)

69. Белце(м) мужемъ достои(т) кр[е](с)т[е]ць носити на себе . тако совокупляти(с) с женами своими (Ответы митр. Георгия, 246. Ст. 69).

102. Аще наочитя грамоте и буде(т) д[у]ши не гоуби(л) . жену пояль д[е]вою . но буде(т) и сьгрешения твори(л) да исповестъ я о[т]цю о ни(х) . с[о]хранить епитемью и станеть попо(м)

«... и жену пояль д[е]вою <...> буде(т) попомъ» (Ответы митр. Георгия, 252–253. Ст. 102).

Подобно тому как будущий священник не мог быть повинен в воровстве, будущая попадая не могла быть обличена в блуде. От нее требовалась девственность (Ответы митр. Георгия, 233–255). Судя по всему, добрачное целомудрие девушки в описываемый период еще не являлась нормой, что создавало для претендента к занятию диаконской вакансии немалое затруднение. Помимо добрачной девственности от жены клирика требовалась сугубая верность своему мужу. На это особенно обратил свое внимание Кирик.

В результате, судя по столь пристальному — хотя и специфическому — вниманию канонических норм к женам клириков, супруги священнослужителей рассматривались в качестве важного института или социальной группы внутри Церкви. При том что не вполне понятен каноническо-правовой статус жен пастырей, их положение

⁸ В данном отношении показательно отношение древнерусского иночества к женщинам [Гайдено, 2015, 85–110]. Примечательно, что священнослужителям могло видеться предосудительным, если бы ветхие «порты» клирика были заштопаны и заплатаны куском ткани от женской одежды: «Если приключится женский платок шить в облачение священника, можно ли в таком облачении служить попу? И сказал: женщина что ли погана?» (Вопросы Кирика. Стб. 53. 6 (Савва); Вопрошание Кирика [Перевод], 425). Очевидно, что для того, чтобы преодолеть господствовавший в священнической среде предрассудок, потребовался авторитет еп. Нифонта.

едва ли было абсолютно бесправным. При всей физиологичности предъявлявшихся к попадьям требований, допускавших в определенном случае развод⁹, священник далеко не всегда мог разрушить свои брачные связи с изменившей ему супругой. Так, например, в случае если жена священника попала в плен, но после этого была освобождена, то нормами канонического права иерей обязывался ее принять. На данную статью в Канонических ответах митрополита Иоанна обратил внимание архим. Макарий (Веретенников). Однако свой комментарий отмеченного им предписания он свел к его буквальной передаче — обязанности священника принять «невозбранно» вернувшуюся к нему супругу [Веретенников, 2016, 124].

Между тем ситуация видится более сложной. Над женщиной могло быть совершено насилие. Поэтому перед пастырем возникала серьезная проблема — можно ли принять обратно женщину, которая вступала в сексуальную связь с другим человеком? Церковное право недвусмысленно определяет, что священнику, продолжавшему сожительство с изменившей ему женой, грозит лишение сана¹⁰. Например, еп. Нифонт требовал, чтобы в случае измены своей «второй половины» служитель алтаря непременно разводился. Только в таком случае за ним сохранялось священство. Однако пленение — особая ситуация. Поэтому митр. Иоанн пояснял, что в данном случае совершенное над находившейся в плену женщиной насилие не вменялось ей в грех. Именно поэтому иерей обязывался восстановить семью¹¹.

Вместе с этим приходится признать, что канонические нормы того времени не поясняют отводившееся попадьям место в церковной среде, а также не очерчивают круг обязанностей, которые на них возлагались в общине. Крайне затруднительно что-либо сказать и о социальном происхождении будущих жен пастырей, степени их грамотности, а также их нравах. Принимая во внимание, что нормы Судного устава, «Вопрошания Кирика» во многом отразили не положительные стороны, а затруднения священнической жизни, можно заключить, что супруги пастырей далеко не всегда служили образцами целомудренного и скромного поведения. Очевидно, что в среде клириков в женах священников как в женщинах нередко видели источник греховных вожделений, нечистоты и коварства (измены).

Описанные в «Вопрошании Кирика» и в «Ответах митрополита Георгия» случаи и данные к ним комментарии рисуют довольно неприятные и даже в чем-то отвратительные образы не только пресвитеров, но и их супруг. Однако, как уже было отмечено, необходимо понимать, что пенитенциарии отражали не христианскую норму, а отклонение от нее. К тому же, если отбросить в сторону систему канонических запретов и привносимых ими норм морали, то возникающая безгласность окажется неуместной. Опора на здравый смысл обычных человеческих и современных научных представлений о сексуальном поведении представляет возможность сделать иные выводы из описанного и дать менее категорическую оценку зафиксированному в источниках. При таком подходе далеко не все приведенные казусы вызовут «омерзение». Напротив, в известной мере в некоторых случаях поведение супругов может получить иную, более взвешенную оценку.

⁹ См. приведенные выше вопросы 80, 81, 82 Кирика (Вопросы Кирика. Стб. 29; Вопрошание Кирика [Перевод], 416).

¹⁰ 81-й и 82-й ответы еп. Нифонта Новгородского Кирику по вопросу о подобных случаях измены, неверности или обмана со стороны попадья предписывают пастырям и диаконам оставлять своих жен. В этом случае со служителя алтаря снималась ответственность за грех супруги (Вопросы Кирика. Стб. 46. 81, 82). Судя по всему, данное требование объясняется нормами Священного Писания, вполне определенно предписывающими, что блудник не может быть пастырем. Вступая в связь с соблудившей женой, священник становится блудником, как и его суженая. Именно так высказывается ап. Павел о сексуальной связи христианина с блудницей: «совокупляющийся с блудницею, становится одно тело с нею» (1 Кор 6:16).

¹¹ Именно на таком поведении пастырей настаивал митр. Иоанн в своих канонических ответах, ссылаясь на авторитет правил свт. Василия Великого и ветхозаветных норм (Ответы митр. Иоанна. Стб. 14–15. 26).

Например, отмеченная в «Вопрошании» близость священника с женой перед службой хоть и нарушала евхаристический пост, однако была результатом естественного сексуального влечения. Аналогично можно оценить и иные примеры, поскольку они отражали обычные человеческие ситуации, иные из которых, не касаясь они священника, могли бы быть отнесены в круг мужских сообществ и женских групп к бытовой повседневности, а порой и к большему — к «заслуге», «сексуальному подвигу» или обычному «приключению молодости». Исключительная сосредоточенность пастырей на вопросах сексуальности могла быть порождена не только системами церковных запретов, но и другими не менее влиятельными факторами: молодостью пастырей, слабой развитостью интересов клириков и мирян к духовной и интеллектуальной составляющей христианства, двоеверными практиками и борьбой с ними, культурными предпочтениями людей той эпохи, для которой вкусная еда и сексуальные радости обладали огромной ценностью.

Очевидно и еще одно обстоятельство. Жена священника должна была служить своего рода примером для остальных женщин христианских групп, а ее жизнь рассматривалась в качестве своего рода идеальной модели поведения, насколько это было возможно в суровых условиях повседневной действительности раннего русского Средневековья. Другой вопрос, что даже в священнической семье место женщины не сильно отличалось от того, какое им отводилось в семьях иных социальных групп. И это место было обусловлено, прежде всего, вопросами гендерных норм времени и сексуального интереса.

Несомненно, что жены пастырей не только служили для своих мужей источником искушений, но и разделяли с ними трудности быта, который довольно часто отличался бедностью. В этом контексте образ супруги священника Василия в повести об ослеплении Василья Теребовльского рисует отзывчивую женщину, которой можно доверять даже политические тайны. Именно она приняла раненого князя, позаботилась о нем и неотступно находилась при Васильке во время его терзаний и мучений, искренне сопереживая страдальцу и разделяя его скорбь и отчаяние. Безусловно, этой попадье было отведено важное место в жизни священника и в жизни его дома. Судя по тому, как она описана в тексте повести, священник Василий любил свою жену и доверял ей.

Таким образом, каноническо-правовое положение жен древнерусских пастырей в полной мере отражало стереотипы своего времени. Тем не менее, для лучшего понимания ситуации было бы хорошо провести сравнение древнерусских канонических норм с нормами и реалиями, присутствовавшими в Византии и иных сопредельных странах. Однако решение данной задачи — дело будущего.

Источники и литература

Источники

1. Вопросы Кирика — Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники канонического права: Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1880. Стб. 21–62.

2. Вопрошание Кирика [Перевод] — Вопрошание Кирика [Перевод] / пер. В. В. Милькова // Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель / Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII / отв. ред. И. А. Григорьева. М., 2011. С. 413–429.

3. Ответы митр. Иоанна — Канонические ответы митрополита Иоанна II // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1880. Стб. 1–20.

4. Ответы митр. Георгия — Неведомы(х) словесъ . изложено Георгиемъ . митрополито(м) Киевскимъ . Герману игоумену въпрашающу . оному поведаящю // Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. Вып. 11 / Отв. ред. Б. Н. Флоря. М.: Индрик, 2004. С. 233–255.

5. ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись / Под. ред. А. А. Шахматова. М., 2010. 638 с.

6. «Слово святого Григория» об идолах — «Слово святого Григория» об идолах // Памятники общественной мысли Древней Руси: в 3 т. Т. 1: Домонгольский период / Сост., вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевского. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 242–244.

7. Слово христороубца — «Слово некоего Христороубца и ревнителя по правой вере» // Памятники общественной мысли Древней Руси: в 3 т. Т. 1: Домонгольский период / Сост., вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевского. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 238–242.

8. Устав Владимира (1976) — Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Сост. Я. Н. Щапов, отв ред. Л. В. Черепнин. М.: Наука, 1976. С. 16–19.

9. Устав Ярослава (1976) — Устав князя Ярослава о церковных судах [Пространная редакция. Основной извод] // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Сост. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Наука, 1976. С. 85–91.

Литература

10. Алешковский (1971) — *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси / Отв. ред. В. Л. Янин. М.: Наука, 1971. 136 с.

11. Веретенников (2016) — *Макарий (Веретенников), архим.* Митрополиты Древней Руси (X–XVI века). М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2016. 1256 с.

12. Гайденко (2012) — *Гайденко П. И.* Религиозная ситуация в Новгороде по материалам «Вопрошания» Кирика Новгородца // Кирик Новгородец и древнерусская культура: в 2 ч. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т, 2012. Ч. 2. С. 139–153.

13. Гайденко (2015) — *Гайденко П. И.* Несколько штрихов к портрету древнерусского монашества, или Что могут рассказать церковные пенитенциарные нормы Древней Руси // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. СПб.: К. А. Костромин, 2015. Вып. 3. С. 85–110.

14. Долгов (2007) — *Долгов В. В.* Быт и нравы Древней Руси: Миры повседневности XI–XIII вв. М.: Яуза; Эксмо, 2007. 512 с.

15. Котляр (2017) — *Котляр Н. Ф.* Удельная раздробленность Руси. СПб.: Наука, 2017. 381 с.

16. Лихачев (1946) — *Лихачев Д. С.* Русский посольский обычай XI–XIII вв. // Исторические записки. М.: АН СССР, 1946. Т. 18. С. 42–55.

17. Майоров (2001) — *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб.: Университетская книга, 2001. 640 с.

18. Максимович (2004) — *Максимович К. А.* Закон судный людем. Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М.: Древлехранилище, 2004. 240 с.

19. Мильков, Симонов (2011) — *Мильков В. В., Симонов Р. А.* Кирик Новгородец: ученый и мыслитель // Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII / Отв. ред. И. А. Григорьева. М.: Крузь, 2011. 544 с.

20. Рындин (2016а) — *Рындин И. Ж.* Формирование княжеского ономастикона в удельных княжествах на Руси в XI — начале XII вв. // Российский научный журнал. 2016. № 3(52). С. 15–19.

21. Рындин (2016б) — *Рындин И. Ж.* Формирование княжеского ономастикона в Галицком, Турово-Пинском и Городенском княжествах в XI — начале XIV в. // Российский научный журнал. 2016. № 4(53). С. 10–14.

Pavel Gaidenko. On the Issue of the Canonical-Legal Status of the Wives of the Old Russian Clergy (11th – 13th Centuries).

Abstract: One of the least studied social categories of antiquity are the wives of pastors, whose history hardly attracts the attention of researchers. The current state of affairs is explained by the state of the sources. On the life and canonical-legal status of wives of priests of the 11th – 13th centuries we may know only after individual evidences of the time, as well as a few canonical and legal norms fixed in the ecclesiastical statutes and canonical codes. The article attempts to reconstruct the canonical-legal status of the wives of the ancient Russian clergy of pre-Mongolian times. Its reconstruction is difficult because of the small number of sources and their content. As a result, wives of the clergy often appear in an impartial and even negative form. Against this background, the story of the wife of the priest Vasily, an active participant in the events connected with the blindness of Terebovl Prince Vasilka, is seen as an exception. However, even this state of affairs speaks not so much of the wives of the ancient Russian clergy themselves, but of the interest shown to them by contemporaries. Nevertheless, acquaintance with the sources allows us to conclude that, from the point of view of the canonical norms present in Russia, the wives of the ancient priests were given an important role in the family. Moral authority of the wife in many respects predetermined the status of priest, and the life of the priesthood was closely connected with the life of the Christian community in which the pastor's ministry was performed.

Keywords: History of the Russian Orthodox Church, History of Kievan Rus, History of Old Rus, History of everyday life, History of everyday life in Old Rus, canon law, church law, church law of Old Rus, church people, priesthood in Old Rus.

Pavel Ivanovich Gaidenko – Doctor of Historical Sciences, Kazan (prof.gaydenko@rambler.ru).

Sources and References

Sources

1. Voprosy Kirika – Voprosy Kirika, Savvy i Il'i, s otvetami Nifonta, episkopa Novgorodskogo, i drugikh iyerarkhicheskikh lits [Questions of Kirik, Savva and Ilya, with the answers of Nifont, bishop of Novgorod, and other hierarchical persons]. *Russkaya istoricheskaya biblioteka. T. 6: Pamyatniki kanonicheskogo prava: Ch. 1: Pamyatniki XI–XV v.* [Russian Historical Library. Vol. 6. Monuments of canonical law. Part 1: Monuments of 11th–15th]. Saint Petersburg, 1880. Col. 21–62. (In Russian).

2. Voprosyaniye Kirika [Perevod] – Voprosyaniye Kirika [Perevod] [“Questioning” of Kirik. Translation]. Transl. by V. V. Mil'kov. Mil'kov V. V., Simonov R. A. Kirik Novgorodets: uchenyy i myslitel' [Kirik the Novgorodian: scholar and thinker]. *Pamyatniki drevnerusskoy mysli: issledovaniya i teksty* [Monuments of Old Russian Thought: researches and texts], is. VII, ed. by I. A. Grigor'yeva. Moscow, 2011, pp. 413–429. (In Russian).

3. Otvety mitr. Ioanna – Kanonicheskiye otvety mitropolita Ioanna II [Canonical answers of metropolitan John II]. *Russkaya istoricheskaya biblioteka. T. 6: Pamyatniki kanonicheskogo prava. Ch. 1: Pamyatniki XI–XV v.* [Russian Historical Library. Vol. 6. Monuments of canonical law. Part 1: Monuments of 11th–15th]. Saint Petersburg, 1880. Col. 1–20. (In Russian).

4. Otvety mitr. Georgiya – Nevedomy(kh) sloves” . izlozhenno Georgiyem” . mitropolito(m) Kiyev'skym” . Germanu igoumenu v”prashayushchu . onomu povedayushchu [Explanation of unknown words by Georges, metropolitan of Kiev, to hegumen Germanus asking him]. *Slavyane i ikh sosedi. Slavyanskiy mir mezhdru Rimom i Konstantinopolem* [Slavs and their neighbors. Slavic world between Rome and Constantinople], is. 11, ed. by B. N. Florya. Moscow: Indrik, 2004, pp. 233–255. (In Russian).

5. PSRL — Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. 2: Ipat'yevskaya letopis' [Complete collection of Russian chronicles. Vol. 2: Ipatiev Chronicle]. Ed. by A. A. Shakhmatov. Moscow, 2010, 638 p. (In Russian).

6. «Slovo svyatogo Grigoriya» ob idolakh — «Slovo svyatogo Grigoriya» ob idolakh [The "Word of St. Gregory" on idols]. *Pamyatniki obshchestvennoy mysli Drevney Rusi: v 3 t. T. 1: Domongol'skiy period* [Monuments of social thought of Old Russia: in 3 vol. Vol. 1: Pre-Mongolian period]. Compl., preface and comment. by I. N. Danilevskiy. M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2010, pp. 242–244. (In Russian).

7. Slovo khristolyubtsa — «Slovo nekoyego Khristolyubtsa i revnitelya po pravoy vere» [“The Word of one Christ-lover and zealot on Orthodox Faith”]. *Pamyatniki obshchestvennoy mysli Drevney Rusi: v 3 t. T. 1: Domongol'skiy period* [Monuments of social thought of Old Russia: in 3 vol. Vol. 1: Pre-Mongolian period]. Compl., preface and comment. by I. N. Danilevskiy. M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2010, pp. 238–242. (In Russian).

8. Ustav Vladimira (1976) — Ustav knyazya Vladimira o desyatynakh, sudakh i lyudyakh tserkovnykh [Charter of Prince Vladimir of the tithes, courts and people of the church]. *Drevnerusskiye knyazheskiye ustavy XI–XV vv.* [Old Russian princely statutes of 11th–15th centuries]. Compl. by Ya. N. Shchapov, ed. by L. V. Cherepnin. Moscow: Nauka, 1976, pp. 16–19. (In Russian).

9. Ustav Yaroslava (1976) — Ustav knyazya Yaroslava o tserkovnykh sudakh [Prostrannaya redaktsiya. Osnovnoy izvod] [The Charter of the Novgorod prince Vsevolod about church courts, people and shopping standards]. *Drevnerusskiye knyazheskiye ustavy XI–XV vv.* [Old Russian princely statutes of 11th–15th centuries]. Compl. by Ya. N. Shchapov, ed. by L. V. Cherepnin. Moscow: Nauka, 1976, pp. 85–91. (In Russian).

References

10. Aleshkovskiy (1971) — Aleshkovskiy M. Kh. *Povest' vremennykh let. Sud'ba literaturnogo proizvedeniya v Drevney Rusi* [Tale of Bygone Years. The fate of a literary work in Old Russia]. Ed. by V. L. Yanin. Moscow: Nauka, 1971, 136 p. (In Russian).

11. Veretennikov (2016) — Makariy (Veretennikov), archim. Mitropolity Drevney Rusi (X–XVI veka) [Metropolitans of Old Russia (10th–16th centuries)]. Moscow: Sretenskiy monastyr' Publ., 2016, 1256 p. (In Russian).

12. Gaydenko (2012) — Gaydenko P. I. Religioznaya situatsiya v Novgorode po materialam «Voprosaniya» Kirika Novgorodtsa [Religious situation in Novgorod on the materials of “Questioning” by Kirik the Novgorodian]. *Kirik Novgorodets i drevnerusskaya kul'tura: v 2 ch.* [Kirik the Novgorodian and Old Russian Culture: in 2 parts]. Velikiy Novgorod: NGU Publ., 2012, part 2, pp. 139–153. (In Russian).

13. Gaydenko (2015) — Gaydenko P. I. Neskol'ko shtrikhov k portretu drevnerusskogo monashestva, ili Chto mogut rasskazat' tserkovnyye penitentsiarnyye normy Drevney Rusi [A few strokes to the portrait of ancient Russian monasticism, or What the penitentiary norms of Old Russia can tell us]. *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh* [Old Russia: in time, in personalities, in ideas]. Saint Petersburg: K. A. Kostromin, 2015, is. 3, pp. 85–110. (In Russian).

14. Dolgov (2007) — Dolgov V. V. *Byt i nrvy Drevney Rusi: Miry povsednevnosti XI–XIII vv.* [Life and customs of Old Russia: The worlds of everyday life of the 11th–13th centuries]. Moscow: Yauza; Eksmo, 2007. 512 p. (In Russian).

15. Kotlyar (2017) — Kotlyar N. F. *Udel'naya razdroblennost' Rusi* [Feudal disunity in Rus']. Saint Petersburg: Nauka, 2017, 381 p. (In Russian).

16. Likhachev (1946) — Likhachev D. S. Russkiy posol'skiy obyчай XI–XIII vv. [Russian diplomatic customs in 11th–13th centuries]. *Istoricheskiye zapiski*. Moscow: AN SSSR, 1946, vol. 18, pp. 42–55. (In Russian).

17. Mayorov (2001) — Mayorov A. V. *Galitsko-Volynskaya Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskikh otnosheniy v domongol'skiy period. Knyaz', boyare i gorodskaya obshchina* [Galitsk-Volyn Rus. Sketches of socio-political relations in the pre-Mongol period. Prince, boyars and the urban community]. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga, 2001, 640 p. (In Russian).

18. Maksimovich (2004) — Maksimovich K. A. *Zakon sudnyy lyudem. Istochnikovedcheskiye i lingvisticheskiye aspekty issledovaniya slavyanskogo yuridicheskogo pamyatnika* [Law of the People's Judiciary. Source-study and linguistic aspects of the Slavic juridical monument study]. Moscow: Drevlekhranilishche, 2004, 240 p. (In Russian).
19. Mil'kov, Simonov (2011) — Mil'kov V. V., Simonov R. A. Kirik Novgorodets: uchenyy i myslitel' [Kirik the Novgorodian: scholar and thinker]. *Pamyatniki drevnerusskoy mysli: issledovaniya i teksty* [Monuments of Old Russian Thought: researches and texts], is. VII, ed. by I. A. Grigor'yeva. Moscow, 2011, 544 p. (In Russian).
20. Ryndin (2016a) — Ryndin I. Zh. Formirovaniye knyazheskogo onomastikona v udel'nykh knyazhestvakh na Rusi v XI — nachale XII vv. [The formation of the princely onomasticon in the Russian feudal principalities in the 11th — early 12th centuries]. *Rossiyskiy nauchnyy zhurnal*, 2016, no. 3(52), pp. 15–19. (In Russian).
21. Ryndin (2016b) — Ryndin I. Zh. Formirovaniye knyazheskogo onomastikona v Galitskom, Turovo-Pinskom i Gorodenskom knyazhestvakh v XI — nachale XIV v. [The formation of the princely onomasticon in the Galician, Turovo-Pinsk and Gorodensk principalities in the 11th — early 14th centuries]. *Rossiyskiy nauchnyy zhurnal*, 2016, no. 4(53), pp. 10–14. (In Russian).